

Сказка Г.Х. Андерсена " Хольгер-Датчанин "

Есть в Дании старинный замок – Кронборг; лежит он на самом берегу Зунда, и мимо него ежедневно проходят сотни кораблей: и английские, и русские, и прусские. Все они приветствуют старый замок пушечными выстрелами: бум! Из замка тоже отвечают: бум! Это пушки говорят: "Здравия желаем!" – "Спасибо!" Зимой корабли не ходят, море замерзает вплоть до самого шведского берега, и устанавливается настоящая дорога. По ней развеваются датские и шведские флаги, и шведы с датчанами тоже говорят друг другу: "Здравия желаем!" и "Спасибо!", но уже не пушечными выстрелами, а просто, дружески пожимая друг другу руки, и одни посылают на берег к другим за булками и кренделями, ведь чужая еда всегда слаще! Но лучше всего здесь все-таки старинный Кронборг. В его глубоком, мрачном подземелье, куда никто не заглядывает, сидит Гольгер–Данске. Он весь закован в железо и сталь и подпирает голову могучими руками. Длинная борода его крепко приросла к мраморной доске стола. Он спит и видит во сне все, что делается в Дании. Каждый сочельник является к нему ангел Господен и говорит, что все виденное им во сне – правда и что он еще может пока спать спокойно: Дании не угрожает никакая серьезная опасность. А настань эта грозная минута – старый Гольгер–Данске воспрянет, так что мраморная доска стола треснет, когда он потянет свою бороду. Он выйдет на волю и так ударит мечом, что гром раздастся по всему свету.

Так рассказывал старый дед своему маленькому внуку, и мальчик знал, что все это правда, ведь рассказывал сам дедушка. Старик же, рассказывая, вырезывал из дерева большую фигуру самого Гольгера–Данске. Старый дед занимался вырезыванием фигур для украшения кораблей соответственно их названиям. Теперь вот он вырезал Гольгера–Данске: герой с длинной седой бородой стоял так прямо и гордо, держа в одной руке меч, а другою опираясь на датский герб. Много еще рассказал старый дед о других замечательных мужах и женах Дании, и под конец внуку стало казаться, будто и он знает теперь не меньше самого Гольгера–Данске, который видел все это только во сне. Головка мальчика была переполнена всеми этими рассказами, и, улегшись в постель, он крепко прижал свой подбородок к подушке, вообразив, что это у него борода, которая крепко приросла к постели.

А старый дед все еще сидел за своею работой, вырезывая последнюю часть фигуры – датский герб. Наконец работа была кончена, он взглянул на нее и стал припоминать все, что когда-то читал, слышал и сейчас сам рассказывал внуку; потом потрянул головой, снял и протер очки, опять надел их и промолвил:

– Да, в мое время Гольгер–Данске, пожалуй, и не придет, но мальчуган, может быть, увидит его и будет биться с ним рядом, когда дело дойдет до серьезного!

Тут дедушка опять кивнул головой, не сводя глаз с фигуры: чем больше он смотрел на своего Гольгера–Данске, тем яснее видел, что работа ему очень удалась. Ему стало даже казаться, что фигура вдруг покрылась красками, броня заблестела, сердца на датском гербе стали больше и заалели, а львы с золотыми коронами на головах запрыгали.

– Да, у нас, датчан, лучший герб в мире! – сказал старик. – Львы – эмблема силы, а сердца – кротости и любви!

Он взглянул на крайнего льва, и ему вспомнился Кнуд Великий, который приковал к датскому трону великую Англию; взглянул на другого – вспомнился Вальдемар, который вновь собрал Данию и покорил вендов; взглянул на третьего – вспомнилась Маргарита, объединившая Данию, Швецию и Норвегию. И алые сердца на гербе вдруг стали еще ярче, каждое обратилось под конец в движущееся пламя, и мысль старика последовала за каждым.

Первое пламя привело его в узкую мрачную темницу, где сидела прекрасная пленница – дочь Кристиана Четвертого, Элеонора Ульфельдт (Любимая дочь короля Кристиана IV; была замужем за одним из первых сановников государства – Корфицем Ульфельдтом. В царствование брата Элеоноры, Фредерика III, Корфиц был обвинен в государственной измене и приговорен к смертной казни, но успел бежать за границу. За это пришлось заплатить его невинной жене; ее заключили в темницу, где она и провела 22 года, пока не умерла ненавидевшая ее невестка, супруга короля София–Амалия. – Примеч. перев.); пламя расцвело на ее груди розой и слилось с сердцем этой лучшей, благороднейшей дочери.

– Да, это сердце из датского герба! – проговорил старик.

И его мысли понеслись за пламенем второго сердца. Оно привело его к морю. Пушки палили, корабли исчезали в облаках дыма, и пламя обвило, как орденскою лентой, грудь адмирала Витфельда, который ради спасения датского флота взорвал себя и свой корабль.

Третье пламя привело его к жалким хижинам Гренландии. Там проповедовал любовь и словом и делом миссионер Ганс Эгед; пламя превратилось в звезду на его груди, в которой билось еще одно сердце из датского герба.

И мысли старика забежали вперед четвертого пламени – он знал, куда оно приведет. В жалкой хижине бедной крестьянки стоял Фредерик Шестой и чертил мелом на балке свое имя; пламя заколебалось на его груди, слилось с его сердцем. В крестьянской хижине его сердце стало одним из сердец датского герба. И старый дед отер глаза: он лично знал этого доброго короля Фредерика, с серебристыми седыми волосами и честными голубыми глазами, и служил ему. Старик скрестил руки и задумался, молча глядя перед собою. Тут подошла к нему невестка и сказала, что уже поздно – пора ему отдохнуть, да и ужин на столе.

– Но что за прелесть у тебя вышла, дедушка! – сказала она. – Гольгер–Данске и весь наш герб! Право, я как будто где-то видела это лицо!

– Нет, ты-то не видела! – ответил старый дед. – А вот я видел – по памяти и вырезал его. Это было, когда англичане стояли у нас на рейде, второго апреля 1801 г., и когда мы все опять почувствовали себя прежними молодцами датчанами! Я был на "Дании", в эскадре Стена Билля, и рядом со мною стоял матрос. Право, ядра словно боялись его! Он весело распевал старинные песни, без усталости заряжал орудия и стрелял. Нет, что там ни говори – это был не простой смертный! Я еще вижу перед собою его лицо, но откуда он был, куда девался потом – никто не знал. Мне часто приходило в голову, что это был сам старик Гольгер–Данске, который приплыл к нам из Кронборга и помог в час опасности. Вот я и вырезал его изображение.

Фигура бросала огромную тень на стены и даже на потолок; казалось, что за нею стоял живой Гольгер–Данске. Тень шевелилась, но это могло быть и оттого, что свеча горела не совсем ровно. Невестка поцеловала старика и повела его к большому креслу; старик сел за стол, сели и невестка с мужем – сыном старика и отцом мальчугана, который был уже в постели. Дед и за ужином говорил о датских львах и сердцах, о силе и кротости, объясняя, что есть и другая сила, кроме той, что опирается на меч. При этом он указал на полку, где лежали старые книги, между прочим все комедии Хольберга (Хольберг (1685–1754) – гениальный датский писатель, "отец датской литературы". – Примеч. перев.). Как видно, ими тут зачитывались, ведь они такие забавные, а выведенные в них лица и типы давней старины кажутся живыми и до сих пор.

– Вот он тоже умел наносить удары! – сказал дедушка. – Он старался обрубать все уродливости и угловатости людские. – Затем старик кивнул на зеркало, за которое был заткнут календарь, и сказал: – Тихо Браге (Знаменитый датский астроном (1546–1601). – Примеч. перев.) тоже владел мечом, но он употреблял его не для того, чтобы проливать кровь, а чтобы проложить верную дорогу между звездами небесными!.. А Торвальдсен, сын такого же простого резчика, как я, Торвальдсен, которого мы видели сами, седой, широкоплечий старец, чье имя известно всему свету! Вот он владел резцом, умел рубить, а я только строгаю! Да, Гольгер–Данске является в различных видах, и слава Дании гремит по всему свету! Выпьем же за здоровье Бертеля! (Имя Торвальдсена, славного датского скульптора (1770–1844). – Примеч. перев.)

А мальчуган в это время так ясно видел во сне старинный Кронборг, подземелье и самого Гольгера–Данске, сидящего с приросшею к столу бородою. Он спит и видит во сне все, что совершается в Дании, видит и то, что делается в бедной комнатке резчика, слышит все, что там говорится, и кивает во сне головой:

– Да, только помните обо мне, датчане! Только помните обо мне! Я явлюсь в час опасности!

А над Кронборгом сияет ясный день; ветер доносит с соседней земли звуки охотничьих рогов; мимо плывут корабли и здороваются: бум! бум! И из Кронборга отвечают: бум! бум! Но Гольгер–Данске не просыпается, как громко ни палят пушки: это ведь только "Здравия желаем!" и "Спасибо!" Не такая должна пойти пальба, чтобы разбудить его, но тогда уж он пробудится непременно – Гольгер–Данске еще силен!

Другие сказки Андерсена